

УДК 82.01/.09+82.31

***МОТИВ КУКОЛЬНОСТИ В РАССКАЗЕ А. ПОГОРЕЛЬСКОГО
«ПАГУБНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕОБУЗДАННОГО ВООБРАЖЕНИЯ» И В
НОВЕЛЛЕ Э.Т.А. ГОФМАНА «ПЕСОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК»***

Мельникова Л.А.

к.ф.н., старший преподаватель,

*Балашовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Саратовский национальный
исследовательский государственный университет имени Н.Г.*

Чернышевского»,

Балашов, Россия

Аннотация. В статье подвергаются осмыслению особенности раскрытия мотива кукольности в новелле Э.Т.А. Гофмана «Песочный человек» и рассказе А. Погорельского «Пагубные последствия необузданного воображения». Посредством сопоставительного анализа образов Олимпии и Аделины, являющимися собой внешнее воплощение идеала женской красоты, выявляются основные доминанты их восприятия окружающими, которые акцентируют внимание на таких качествах красавиц, как искусственность, однообразие, нечувствительность. Установлено, что посредством репрезентации образов данных героинь в произведениях поднимается проблема соотношения мечты и реальности. Конфликт между иллюзорным и реальным становится основополагающим элементом поэтики обоих текстов.

Ключевые слова: Э.Т.А. Гофман, А. Погорельский, мотив кукольности, идеал женской красоты, иллюзорное, действительное.

***THE MOTIVE OF PUPPETNESS IN THE STORY 'THE HARMFUL
CONSEQUENCES OF UNCONTROLLED IMAGINATION' BY A.
POGORELSKY AND IN THE SHORT STORY 'THE SANDMAN' BY E.T.A.
HOFFMAN***

Melnikova L.A.

Candidate of Philology, senior lecturer,

Balashov Institute of the Saratov State University

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

Balashov, Russia

Abstract. The paper examines the peculiarities of revealing the motive of puppetness in the short story by E.T.A. Hoffman ‘The Sandman’ and the story by A. Pogorelsky ‘The harmful consequences of uncontrolled imagination.’ Through a comparative analysis of the images of Olimpia and Adelina, which are the external embodiment of the ideal of female beauty, we reveal the main dominants of their perception by others that focus on such qualities of beauties as artificiality, monotony, insensitivity. It has been found that through the representation of the images of these heroines in the stories the problem of the relationship between dreams and reality is raised. The conflict between the illusory and the real becomes a fundamental element of the poetics of both texts.

Keywords: E.T.A. Hoffman, A. Pogorelsky, the motive of puppetness, the ideal of female beauty, the illusory, the real.

Личность и творчество Э.Т.А. Гофмана (1776–1822) становилось предметом осмысления многих русских писателей-романтиков, в том числе и А. Погорельского (1787–1836). Исследователи отмечают ряд литературных переключек между рассказом А. Погорельского «Пагубные последствия необузданного воображения» (1828) и новеллой Э.Т.А. Гофмана «Песочный человек» (“Der Sandmann”, 1815). К числу таковых относятся следующие совпадения: 1) герой русского автора влюбляется в девушку, наблюдая за ней из окна; 2) чтобы познакомиться с красавицей, он так же записывается на лекции ее отца – профессора; 3) как и у Гофмана, красавица оказывается куклой [1].

Сосредоточим в данной статье свое внимание на реализации в названных произведениях мотива кукольности. В связи с его присутствием в рассказах

оказываются ярко выраженными оппозиции «мир иллюзорный» - «мир реальный», «искусственное» - «естественное».

В новелле Э.Т.А. Гофмана у центрального персонажа Натанаэля есть реальная возлюбленная Клара, однако несмотря на это он увлекается мнимой дочерью профессора Спаланцани куклой Олимпией, считая ее идеалом женской красоты: «В комнате перед маленьким столиком, положив на него сложенные вместе руки, сидела высокая, очень стройная, соразмерная во всех пропорциях, прекрасно одетая девица» [3] В одном из своих писем данный персонаж признается в том, что, начиная с детства, воображаемое в его сознании часто доминировало над действительным, во многом этому способствовал образ Песочного человека: «Песочный человек увлек меня на стезю чудесного, необычайного, куда так легко совратить детскую душу» [3]. Первоначально воплощая собой химерный образ из рассказов мамы и бабушки, по мере развития действия Песочный человек получает свое конкретное воплощение в лице Коппелиуса, связанного с мистическими сущностями. Он не только адвокат, но и «демонический алхимик, создавший говорящую куклу автомат» [4, 171]. Именно он является подлинным творцом Олимпии, а «”творящий” Спаланцани так же слеп, как и остальные: он всего лишь “поденщик”» [2, 28].

Образ идеальной возлюбленной начинает преследовать юношу повсюду: «Образ Олимпии витал перед ним в воздухе, выступая из-под кустов, и большими светлыми глазами глядел на него из прозрачного родника» [3].

Драматизм положения Натанаэля усугубляется тем, что, ослепленный своими мечтами, данный герой не замечает той неестественности Олимпии, которая сразу же бросается в глаза прочим молодым людям. Олимпия кажется окружающим оцепенелой, безгласной, красивая наружность девушки не мешает им обвинять ее в совершенном тупоумии.

Контраст в восприятии Олимпии в новелле выразительно демонстрирует столкновение точек зрения Зигмунда и Натанаэля. Если первый считает ее деревянной куклой и восковой фигурой, то второму она видится

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

обладательницей неземных прелестей. Зигмунд же указывает на то, что «в ее игре, в ее пении приметен неприятно правильный бездушный такт поющей машины; то же можно сказать и о ее танце» [3].

На балу во внешнем облике Олимпии обращает на себя внимание тот факт, что «в ее осанке и поступи была заметна какая-то размеренность и жесткость» [3]. Приближаясь к Олимпии для того, чтобы пригласить ее на танец, Натанаэль чувствует ледящий холод ее рук: «Как лед холодна была рука Олимпии; он содрогнулся, почувствовав ужасающий холод смерти» [3].

Однако несмотря на данные внушающие тревогу детали, Натанаэль по-прежнему продолжает выдавать кажущееся за действительное: «Он пристально поглядел ей в очи, и они засветились ему любовью и желанием, и в то же мгновение ему показалось, что в жилах ее холодной руки началось биение пульса и в них закипела живая, горячая кровь» [3]. В данном эпизоде холодная, искусственная Олимпия по принципу контраста сопоставляется с разгоряченным любовью, восторженным Натанаэлем. Последний становится рабом своей мечтательной иллюзии, Олимпия пленяет его, заглушая своим очарованием малейшие признаки рационального восприятия ее внешности с его стороны.

Натанаэль оправдывает внешне проявляющиеся недостатки своей возлюбленной ее особой духовной силой: «Она не многоречива, это правда, но ее скупые слова служат как бы подлинными иероглифами внутреннего мира, исполненными любви и высшего постижения духовной жизни через созерцание вечного потустороннего бытия» [3].

Чувство, испытываемое Натанаэлем к Олимпии, и шок, последовавший после разрушения ее чудесного образа, в итоге приводят его к разрыву с ближайшим окружением, безумию и гибели.

Действие рассказа А. Погорельского «Пагубные последствия необузданного воображения» происходит в Германии, в Лейпциге. Страсть к романическому с точки зрения повествователя, находящегося внутри мира Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМН Эл № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

рассказываемой истории и являющегося непосредственным участником описываемых событий полковника Ф., является одним из главных недостатков центрального героя Алцеста.

В рассказе А. Погорельского воплощением совершенной женщины становится дочь профессора Андрони Аделина. Ее образ в произведении наделен ореолом таинственности. Во время своих визитов к профессору Андрони рассказчик и Алцест не могут видеть Аделину. Это обстоятельство серьезно настораживает повествователя: «Казалось, он опасался, чтобы мы не открыли какой-нибудь важной для него тайны» [5].

Неожиданно для себя нарратор однажды случайно застаёт ее в непривычном виде: «Голова ее, опустившаяся с дивана, лежала на полу; длинные черные волосы, не связанные и ничем не придерживаемые, совершенно закрывали ее прекрасное лицо» [5]. В данном описании представляется значимой такая художественная деталь, как черные волосы, закрывающие лицо. С одной стороны, данное упоминание усиливает элемент загадочности, с другой – обезличенность героини в данном конкретном случае служит указателем ее общей безликости, проявившейся впоследствии.

Романтически восторженному герою в обоих произведениях противостоит реалист, который пытается помочь своему другу избавиться от болезненных иллюзий (полковник Ф. в рассказе А. Погорельского и Лотар и Клара в новелле Э.Т.А. Гофмана). Однако парадоксальность ситуации заключается в том, что стараясь избавиться от иллюзорности восприятия, и Алцест, и Натанаэль, напротив, еще больше погружаются в мир собственных грез.

Как и в новелле Э.Т.А. Гофмана, в рассказе А. Погорельского ключевой для развития действия является сцена бала. Именно в данном эпизоде и в образе Олимпии, и в образе Аделины мотив кукольности получает свое наиболее полное развитие.

В образе Аделины подчеркивается холодная нечувствительность. Комментируя исполнение данной героиней испанского танца фанданго и отмечая ее тонкое искусство танцовщицы, повествователь в то же время констатирует, что в ней «недостает той живости, той непринужденности, без которых самый искусный балетмейстер сходен с безликой куклою, прыгающею на пружинах» [5]. Косвенное сравнение с куклой в данном случае подчинено цели акцентировать внимание на искусственности поведения и жестов Аделины.

В первую брачную ночь Аделина ведет себя будто лишенная чувств. Кульминационным эпизодом рассказа, в котором происходит столкновение идеального и материального начал, становится сцена, когда Алцест пытается натереть своей супруге виски уксусом и тем самым добиться от нее проявления каких-либо эмоций. Образ идеальной красавицы подвергается физическому разрушению, и герой начинает испытывать болезненный процесс прозрения. Профессор удаляет молотком по лицу Аделины, тем самым окончательно уничтожая призрачные надежды Алцеста на счастье. Весьма показательным является то, что Алцест после этого забирает глаза Аделины. Герой, не наделенный внутренним зрением, пытается посредством данного жеста компенсировать этот недостаток.

Своего апогея конфликт героев с внешним миром достигает именно в момент осознания ими иллюзорности собственного восприятия по отношению к их мнимым возлюбленным.

Проблема соотношения эффектной внешности и внутренней пустоты становится одной из центральных в рассматриваемых произведениях. Процесс избавления от иллюзий оборачивается для обоих персонажей безумием. Возвращение в привычную реальность становится невозможным и для Натанаэля, и для Алцеста. Поэтому данные герои единственно приемлемым для себя выходом избирают уход из этого мира.

И образ Олимпии, и образ Аделины отмечены раздвоенностью. Для своих создателей они являются искусно изготовленным механизмом, замаскированным обликом прекрасной девушки, а также средством манипуляции восторженными поклонниками их изобретений. В восприятии же Натанаэля и Алцеста Олимпия и Аделина предстают воплощенным идеалом женственности и красоты.

Существенным различием трактовки мотива кукольности Э.Т.А. Гофманом и А. Погорельским является то, что немецкий автор, воссоздавая образ Олимпии, подчеркивает, что она является порождением не только механики, но и результатом воздействия демонических существ. Это выразительно иллюстрирует сцена финального припадка безумия Натанаэля и последовавшая за этим гибель данного персонажа.

А. Погорельский же в финале своего произведения, приводя фрагмент диалога автора рассказа и его Двойника, показывает, что изобретения, подобные Аделине, не являются порождением сверхъестественных начал, а являются собой нечто приближенное к повседневной норме. В этом заключается одна из особенностей творческой переработки русским писателем сюжета немецкого романтика.

Библиографический список

1. Ботникова А.Б. Э.Т.А. Гофман и русская литература /Ботникова А.Б. // Немецкий романтизм: диалог художественных форм [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/botnikova-nemeckij-romantizm/gofman-i-russkaya-literatura.htm> (Дата обращения 21.05.2021)
2. Гильманов В., Гильманова А. Страсти по Натанаэлю, или «Откровение от Гофмана» (по мотивам новеллы Э.Т.А. Гофмана «Песочный человек») / В. Гильманов, А. Гильманова // Балтийский филологический курьер. – 2007. – № 6. – С. 7–34.

3. Гофман Э.Т.А. Песочный человек [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: https://librebook.me/the_sandman/vol1/1 (Дата обращения: 21.05.2021)
4. Демченко А.И. Двести лет назад (Романтические искания Э.Т.А. Гофмана) / А.И. Демченко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т.12. – Вып. 1. – С. 163–173.
5. Погорельский А. Пагубные последствия необузданного воображения [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://lib.liim.ru/creations/p-114/p-114-01.html> (Дата обращения 23.05.2021).

Оригинальность 88%